

О безвластии молодых писателей (Новгородские размышления)^Д
 дится заключить, что внутренний мир наших молодых художников не имѣетъ опредѣленнаго стиля: это не цѣльный сосудъ, а только куча черепковъ, отбитыхъ отъ разныхъ сосудовъ.

Эта черта нашего новѣйшаго творчества выступаетъ съ особенною ясностью при сравненіи его съ творчествомъ предшествующихъ поколѣній.

Возьмемъ самаго объективнаго изъ нашихъ художниковъ — г. Л. Н. Толстого. Какъ ни разнообразно его творчество, но все оно проникнуто одною широкою мыслью, все оно вызвано стремленіемъ раскрыть тайну человѣческой жизни, всюду свѣтитесь интересъ къ человѣку, къ тому, какъ пользуется онъ на землѣ своею свободою съ тѣхъ поръ, какъ вкусилъ отъ древа познанія добра и зла. Этотъ основной мотивъ мы найдемъ во всѣхъ произведеніяхъ художника, пишетъ-ли онъ небольшую исторію лошади — «Холстомъ-ра», или огромную эпопею человѣческой жизни, какъ «Война и миръ». Сравнимъ теперь съ нимъ, напр., г. Чехова, самаго талантливаго и наиболѣе типичнаго представителя беллетристики нашего послѣдняго времени. Г. Чеховъ ничего не доискивается отъ природы и жизни, ничего ему не нужно разрѣшить, ничто въ особенности не захватываетъ его вниманія. Онъ просто вышелъ гулять въ жизнь. Во время прогулки онъ встрѣчаетъ иногда интересныя лица, характерныя сценки, хорошенькіе пейзажи. Тогда онъ останавливается на минуту, достаетъ карандашъ и легкими штрихами набрасываетъ свой рисунокъ. Конченъ рисунокъ, и онъ идетъ дальше. Интересное явленіе осталось позади, и онъ о немъ больше не думаетъ. Теперь ему встрѣчается уже другой предметъ, онъ такъ-же легко набрасываетъ его, такъ-же легко его забываетъ и ждетъ новыхъ впечатлѣній прогулки. Только подобнымъ образомъ и можно объяснить появленіе такихъ рассказовъ г. Чехова, въ которыхъ то Богъ въѣтъ зачѣмъ описывается длинный путь стараго гуртовщика, везущаго въ Петербургъ свой скотъ, то совершенно эпически рассказываются приключенія собаченки, попавшей къ клоуну цирка.

Говоря, что въ душѣ современныхъ молодыхъ писателей нѣтъ иныхъ мотивовъ творчества, кромѣ холодной виртуозности, мы не видимъ здѣсь ничего удивительнаго. Напротивъ: отиѣченная нами черта есть естественный продуктъ того душевнаго состоянія, которое переживаетъ въ настоящее время все наше общество. Не у однихъ только художниковъ, но и у всего общества нѣтъ сознательныхъ цѣлей дѣятельности, и жизнь идетъ подчиняясь только своимъ стихійнымъ силамъ. Безразличная виртуозность и есть именно стихійная сила творчества. Поэтому на всякомъ поприщѣ дѣятельности вы встрѣтите теперь не мало виртуозовъ, артистически исполняющихъ свое дѣло. Зачѣмъ они работаютъ? — они не знаютъ и не спрашиваютъ. Развѣ только зачѣмъ, чтобы забыть безцѣльность своего существованія.

Лирическіе поэты нашего времени, имѣющіе привилегію говорить отъ своего собственнаго лица, какъ нельзя лучше подтверждаютъ нашу мысль. Среди ихъ произведеній чаще всего мелькаетъ мотивъ страдающаго, но безысходнаго скептицизма. Потребности вѣры, жажда высшей правды и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособность вѣрить, невозможность поворотиться ни одной изъ существующихъ идей, — вотъ въ чемъ драма современнаго человѣка. Слѣдующія строфы изъ стихотворенія г. Минскаго «Мой демонъ» довольно вѣрно изображаютъ внутреннюю сущность этой драмы:

Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, правду отрицая,
 Онъ высшей правды ждетъ страстнѣй, чѣмъ серафимъ;
 Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что душу искушая,
 Уму онъ кажется святымъ.

Привѣтна рѣчь его и кротокъ взоръ лучистый,
 Его хулы звучать печально неземной;
 Когда-жъ его прогнать хочу молитвой чистой,
 Онъ вмѣстѣ молится со мной...

Другой совѣтъ еще молодой поэтъ, г. Мережковскій, не менѣе характеренъ въ этомъ отношеніи. Прочтите, напримѣръ, его стихотвореніе: «Всѣ грезы юности», гдѣ авторъ высказываетъ, чего онъ хочетъ:

Хочу я творчествомъ и знаніемъ упиться,
 Хочу весеннихъ дней, лазури и цвѣтовъ,
 Хочу у милыхъ ногъ я плакать и молиться,
 Хочу безумнаго веселія пировъ;
 Хочу изъ нѣжныхъ устъ дыхнуть аромата,
 И смѣха, и вина, и пѣснь молодыхъ,
 И блѣдныхъ ландышей, и пурпура заката, —
 Всей дивной музыки аккордовъ міровыхъ...

Если прибавить къ этому, что поэтъ хочетъ также и «подвиговъ въ борьбѣ за идеалъ, и мукъ, и жертвъ страдальцѣ-отчизнѣ», то окажется, что онъ хочетъ всего доступнаго человѣку. Но хотѣть всего можно только тогда, когда ничего не хочешь опредѣленно и силно. Отсутствие воли, направленной къ опредѣленной цѣли и выражающейся въ безусловномъ преобладаніи извѣстной группы желаній надъ всѣми прочими мотивами, и есть самый яркій признакъ отсутствія личности. Таковъ и современный нашъ человѣкъ. Какъ и поэтъ, онъ ничего не хочетъ преимущественно, прежде всего.

Такова преобладающая черта нашего времени. Общество знаетъ ее; больше того — общество очень сильно чувствуетъ ее въ себѣ. Мы не сказали ему ничего новаго. Мы только желали отиѣтить вліяніе переживаемаго обществомъ состоянія на его художественную литературу.

Въ результатъ, какъ видимъ, оказывается, что не талантами мы бѣдны, но что основные недостатки нашей художественной литературы порождены своеобразною болѣзью времени, раздробляющею личность человѣка и позволяющею ему только стихійное существованіе. Пока общество будетъ охвачено этою болѣзью, до тѣхъ поръ и художественныя произведенія будутъ отличатся безвластіемъ и безличіемъ, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ и страстно преданныхъ своему творчеству работниковъ, мѣсто которыхъ будутъ занимать индифферентные виртуозы. Д.

Столѣтній двоеженецъ.

(Письмо изъ Ольгополя, Подольской губ.).

Въ декабрьской сессіи здѣшняго окружнаго суда было, между прочимъ, рассмотрѣно довольно курьезное дѣло по обвиненію отставнаго рядового Передерія въ двоеженствѣ. Дѣло это разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ, а потому сообщу обстоятельства его лишь настолько, насколько они выяснились до и послѣ судебного слѣдствія. По обвинительному акту, подсудимому 74 года; во второй бракъ онъ вступилъ въ 1881 году, для чего выдавалъ себя за холостого. Но когда ввели подсудимаго, публика была поражена видомъ его: слѣпой на оба глаза, глуховатый, согбенный отъ дряхлости, почти потерявшій голосъ, онъ производилъ болѣзненное, щемящее впечатлѣніе. На первые вопросы Передерія буквально пропичалъ, что ему 90 лѣтъ, что первая жена бросила его за 12 лѣтъ до второго брака и что онъ хочетъ жить съ Еленкою — второю женою. Явились на судъ и обѣ жены подсудимаго: первая — старуха 70 лѣтъ, съ безобразнымъ на спинѣ горбомъ и крайне несимпатичнымъ лицомъ, но еще крѣпкая, бодрая; вторая — тоже старуха 60 лѣтъ, совершенно глухая; она вышла за подсудимаго, будучи вдовою. Первая жена изъявила желаніе дать показаніе на судѣ, причемъ выяснилось, что у подсудимаго отъ перваго брака есть дѣти и даже внуки. Что происходило затѣмъ на судѣ, не знаю; когда-же публика была выпущена въ залъ засѣданія, то увидѣла, что на скамьѣ для свидѣтелей сидѣли обѣ жены подсудимаго, обернувшись одна къ другой спиной, причемъ первая жена все что-то ворчала. Эта картина неволью возбуждала смѣхъ, тѣмъ болѣе, что на лицахъ присяжныхъ засѣдателей и даже судей замѣтна была улыбка. Присяжные вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ, выслушавъ который онъ повторилъ свою просьбу, чтобы его оставили у второй жены. Но едва успѣлъ онъ высказать это, какъ къ нему бросилась первая жена, причемъ разыгралась весьма тяжелая сцена: